

© ЭО, 2003 г., № 2

Н.А. Балюк

СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ЗАУРАЛЬЕ В КОНЦЕ XVI–XVIII в.: КРЕСТЬЯНСТВО И ВЛАСТЬ

Земледельческое освоение Зауралья – одна из определяющих вех в аграрной эволюции России. В отечественной историографии проблема становления русского земледелия в Сибири получила развитие в трудах В.И. Шункова, В.А. Александрова, А.А. Преображенского, И.В. Власовой, Н.Н. Покровского¹. Результаты этих исследований открывают возможность дальнейшего изучения аграрных отношений, изначально складывавшихся в условиях земельной свободы и невысокой плотности населения. В данной статье предпринята попытка реконструкции этапа становления русского земледелия и механизма взаимодействия власти и крестьян в Зауралье на примере крестьянского хозяйства, максимально отражающего особенности жизнедеятельности земледельческих сообществ и специфику аграрного освоения региона.

Предпринимательская инициатива переселенцев с Европейского Севера и политика властей по созданию за Уралом государственной вотчины заложили основу формирования, при наличии значительных земельных пространств, особого типа крестьянской цивилизации с характерными формами землепользования. Поселение на новых местах дало возможность как бы заново «проиграть» ранее сложившиеся режимы эксплуатации земли, выявить их достоинства и недостатки. По данным И.В. Власовой, на процесс формирования крестьянского землепользования и землевладения существенное влияние оказывали традиции поземельных отношений, привнесенные в Сибирь черносошными крестьянами с Европейского Севера².

Несмотря на то что основу экономики государства составляло сельское хозяйство, в России вплоть до конца XIX в. отсутствовали официальные учреждения, ведающие вопросами земледелия. Сибирь в этом отношении не была исключением. Первоначально землеустройством в регионе занимался Посольский приказ.

Г.Ф. Миллер писал по этому поводу: «...когда завоевание Сибири было делом еще новым и на ту область смотрели как на что-то чужеземное, тогда высший надзор за тамошними делами принадлежал Посольскому приказу, в котором писали государевы указы и принимали отписки»³. Одним из первых актов по распространению земледелия на востоке страны стала грамота царя Федора Иоановича в Соль Вычегодскую от 1598 г., в которой сказано: «...а велено по той нашей грамоте у Соли на житье тридцать человек пашенных людей с женами и с детьми и со всеми их животы, а у всякого бы человека было по три мерины добрых, да по три коровы, да по две козы, да по три свиньи, да по пяти овец, да по двое гусей, да по пятеру куров, да по двое утят, да на год хлеба, да соха со всеми для пашни, да телега, да сани, и всякая житейская рухлядь, а на подмогу им велено дати по двадцати по пяти рублей человеку»⁴. Среди сельскохозяйственного инвентаря источники также фиксируют косы, серпы, бороны, ральники, сошники, топоры и пр.⁵

В 1599 г. дела о Сибири перешли в ведение Казанского приказа, в руках которого было сосредоточено все управление восточными окраинами Российского государства. Получив от Казанского приказа право широкой инициативы по «прибору» в Сибирь крестьянского населения, верхотурские, тюменские и тобольские воеводы рас-

сылали по северным областям Московской Руси – Новгородской, Архангельской, Тверской, Костромской, Ярославской, Вологодской, Вятской, Пермской и другим – энергичных агентов-садчиков и слободчиков, которые «повсюду клич кликают, вербуя крестьян добрых, семьянистых, не тяглых, не холопей и не беглых»⁶.

В начале XVII в. наряду с крестьянским оселением в Сибирь призывают «охочих и гулящих людей», зачастую не имевших оседлости, т.е. привычных «к лишениям, балаганам и избушкам залежного земледельческого хозяйства». Так, Борис Годунов в грамоте 1605 г. указывал верхотурскому воеводе Плещееву «прибрать на Верхотурье для переселения служилые люди и на пашню 50 человек гулящих охочих людей»⁷. В грамоте Василия Шуйского (1609 г.) поручалось «прибрать в таборы в Пелымский уезд пашенных охочих людей от 50 до 100 человек»⁸. Вызов желающих самовольно переселяться в Сибирь для занятий хлебопашеством осуществляли *бирючи* – глашатаи, которые объявляли указ царя по торгам и малым торжкам. Во время оповещения населения глашатаи сообщали условия, предлагаемые государством. При выборе крестьянам предоставлялась «полная воля, кто хочет идти, а не с тягла и выбирать с собой от отца сына, от брата братью и от дядь племянников и от сусед суседов»⁹.

При закладке казенной пашни на территории Зауралья государство стремилось утвердить свой порядок землевладения и землепользования, изначально стимулируя создание местной хлебопроизводящей базы на основе стационарных земледельческих хозяйств. По прибытии на новое место переселенцы получали право выбора «садиться на ту пашню, на которую похочуть»¹⁰. На начальном этапе крестьяне самостоятельно выбирали систему земледелия. В последующем, как видно из документов, прослеживается навязывание земледельцам со стороны воевод трехпольного хозяйства.

Среди мер, регулировавших этот процесс, источники начала XVII в. фиксируют практику документального оформления отведенных земельных наделов и определения условий несения тягла¹¹. В перечне поземельных актов, дающих право на владение землей, ведущее место занимали *данные, заемные, закладные, поступные* грамоты. Отвод земель осуществлялся как отдельным лицам, так и коллективам земледельцев каждого селения в общей *окружной меже*. При составлении данной грамоты особое внимание уделялось описанию земель, смежных с вотчинами аборигенов, где обязательно устанавливалась *полюбовная межа* во избежание земельных споров и конфликтов. Земли, закрепленные за тяглецом *отводными* грамотами, обрабатывались на условиях наследственного держания. Уже в первые годы XVII в. источники называют земли за Уралом «государевыми». Однако порядок, установленный правительством Василия IV, существовал недолго, так как принимаемые меры не были подчинены единой схеме закрепления и освоения новых территорий. Ввиду наличия большого количества земель освоение Зауралья в тот период велось без определенного порядка заселения. Это привело к тому, что в первые десятилетия XVII в. на закрепленной территории основная часть свободных от леса земель и сенокосные угодья были заняты самовольно переселившимися крестьянами, служилыми людьми, ямскими охотниками, среди которых начала практиковаться продажа и заклад разработанных земельных участков новопоселенцам. Крестьяне, переселившиеся позднее, оказывались в менее выгодных условиях, так как «приискать» для организации земледельческого хозяйства удобное место было уже гораздо труднее.

Власти пытались регулировать этот процесс. Так, из грамоты 1625 г. князю Пожарскому следует: «повелено в Сибирской вотчине разобрать по дозорным и раздаточным книгам права владения землями, измерить их в десятины и если за кем имеются свободные, непаханные земли и к ним сенные покосы и угодья раздать новоприбылым крестьянам и каким людям пригоже»¹². Если крестьяне самостоятельно подыскивали подходящий участок земли, для закрепления права владения они подавали челобитные в казенное ведомство с просьбой «приписать за ними земельный надел»¹³. В случае согласия крестьянину выдавалась данная или отводная грамота.

Указом от 19 февраля 1637 г. (к этому времени вся Сибирь вошла в состав России) был учрежден специальный орган – Сибирский приказ¹⁴. Одна из его функций – создание государевой пашни и обеспечение сибирского населения хлебными запасами. Для упорядочения «закладки» в Сибири «государевой вотчины» воеводы наряду с определенными обязанностями получали широкие полномочия. Действуя от имени царя, они осуществляли землеустройство крестьян, рассматривали челобитные об отводе угодий, распоряжались выдачей поземельных актов¹⁵.

Непосредственное управление государевыми пашнями вверялось приказчикам. Как следует из царской грамоты, приказчики обязаны были «...радеть, чтобы пашни вспахивали предь прошлым... с прибылью и как начинались запашки назначать боярских детей для надзора, чтоб крестьяне пашню ухахивали гораздо мягко и не через борозду, и пахали все сполна без недопашки, чтоб государевой казне не было убытку»¹⁶. Надзор за сбором урожая с государевой пашни осуществляли целовальники, которых назначали воеводы. В круг обязанностей целовальников входили следующие: «...а будучи ему (целовальнику. – Н.Б.) у наша хлебныя молотьбы, нашего хлеба беречь и смотреть накрепко, чтобы тем нашим хлебом никто не корыстовался, и не крали, и лошадыми своими не травили, и из соломы б и из колосу вымолачивали гораздо, и из ухоботья и из мякин высевали до чиста, чтоб в соломе и в колосу хлеба зерном не было нисколько»¹⁷. Документ наглядно иллюстрирует ведомственную регламентацию и контроль за деятельностью крестьян на государевой десятине. Тем не менее основное внимание земледельцев было обращено к *собинной*, т.е. к собственной пашне, что впоследствии привело к упразднению всей системы отработочной ренты и замене ее во второй половине XVIII в. денежной повинностью. Ввиду значительных земельных пространств воеводам не всегда удавалось реализовать свои полномочия, многие процессы были неуправляемыми. Поэтому крестьяне нередко нарушали «исправное несение тягла» и по ряду причин самостоятельно «бежали» в поисках лучших земель для организации переложного хозяйства.

В XVII – начале XVIII в. в «пашенных» уездах, находившихся в ведении Тобольского разряда, в целях привлечения крестьян на казенную пашню, власти предоставляли им «подмогу» и различные льготы. Эти меры давали возможность переселенцу «поднять пашню», завести хозяйство, что позднее делало его «тягелоспособным». Срок льготных лет был различным – от года до 10 лет. При поселении каждому крестьянину выдавалось все необходимое для первоначальной организации крестьянского хозяйства: лошадь с упряжью и телегой, корова, мелкий домашний скот, птица, хозяйственный инвентарь. Обязательным условием являлась выдача посевного материала¹⁸. Например, в 1627 г. в Тюменском у. «подмога» составляла 9 руб. 25 коп. и 2 лошади; в 1630 г. Гаврилу Воронову и Насону Феоктистову, прибывшим в Верхотурский у., была выдана «подмога» по 10 руб. каждому на обзаведение хозяйства и по 25 руб. на покупку лошадей¹⁹, что стимулировало крестьян к расширению земельных наделов. Для «пашенного обзаводства» выдавались ссуды безвозвратные (денежное пособие для переезда с родины) и возвратные, которые крестьянин по истечении установленного срока обязан был вернуть²⁰. Подмога являлась обязательным элементом «поверстания новых тяглицев в государеву десятинную пашню». Ее размер был приведен в соответствие с размером закрепленной за тяглицем десятинной пашни²¹.

В период пребывания «во льготе» крестьянское хозяйство находилось под постоянным наблюдением фискальных органов, которые обеспечивали контроль за целевым использованием пособия и ссуды, выданных на создание прочного базиса производящего земледельческого комплекса. В ряде случаев крестьяне нарушали свои льготные обязательства. Отбыв «льготные годы», они бросали свои дворы и переезжали на новые места, чтобы там вновь на правах новоселов получить льготу и материальную помощь для обзаведения хозяйством. Однако самовольные передвижения крестьян объясняются не только стремлением получить материальную выгоду от «льготных ссуд». Думается, что главным мотивом тому служила «выпа-

ханность полей» ввиду преобладания залежно-переложного хозяйства, требующего регулярного введения в оборот новых земель. По истощении почв, что влекло за собой резкое снижение урожайности, земледельцы, несмотря на запреты властей, составляли «выпаханные» земли и подыскивали новые участки.

Следует добавить, что переселению крестьян также способствовали меры воевод по насаждению вместо оптимального для данной местности перелога – трехполя как формы стационарного интенсивного земледелия, не требующего вовлечения в хозяйственный оборот больших земельных массивов.

Переселение крестьян нередко инициировали слободчики, которые предлагали уже осевшим крестьянам более выгодные льготные условия и «сажали» их в слободы, расположенные в южной пограничной зоне²². После окончания сроков «льготных лет» положение крестьянина становилось незавидным, так как кроме отработки государственной десятинной пашни на него накладывали многочисленные денежные и натуральные повинности. С этого момента вся деятельность крестьянина строго контролировалась, развитие крестьянского хозяйства полностью регламентировалось местной и центральной властью. Казна требовала от крестьян не только обработки десятинной пашни, но и выполнения различных дополнительных работ – «зделев». Они должны были молотить муку, производить крупу и толокно, драть лыко, возить дрова «на винное курение» и в казенные бани, ставить амбары и др.²³ От этих зделев крестьянское хозяйство несло большие убытки, так как в период полевых работ хозяева отвлекались от основной деятельности. Естественно, при таких условиях крестьяне нередко покидали земельные наделы, недостроенные жилые и хозяйственные постройки и ехали дальше в поисках более выгодных условий жизни. Так, в хозяйстве крестьянина Ивана Rogozинникова из д. Комарициной Тобольского у. «...ко 133-му году земли впусте непаханные на 10 четвертей. Двора нет, одно избенко без потолка и жильцов нет никою, в бегах»²⁴.

По указам воевод, бежавших «...велено было сыскать, бить батоги и возвращать обратно, на прежнее тягло...»²⁵. Если беглецов не удавалось поймать, земли «лежащие впусте» изымались в фонд казны и при необходимости распределялись среди новоприбывших крестьян. Установление жесткого контроля за состоянием земледельческого хозяйства побуждало крестьян утаивать от фиска истинные размеры обрабатываемых земель, используя практику «дальних пашен» как эквивалента дополнительного заработка, не облагаемого налогом. При выявлении таких пашен власти либо увеличивали размер взимаемой ренты, либо передавали надел прибывшим переселенцам. Сам владелец при этом не подвергался наказанию²⁶. Таким образом, наряду с официальным отводом земель уже на раннем этапе освоения Зауралья в крестьянской среде начинает действовать принцип свободного захватного права, практика купли–продажи земли.

В дозорных книгах первой четверти XVII в. по Тобольскому, Тюменскому и Верхотурскому уездам при описании крестьянских дворов довольно часто встречаются сведения, подтверждающие факты купли–продажи земельных наделов: «живет на купленной своей земле»²⁷. В межевой книге вотчин тобольского Софийского собора за 1623–1684 гг. зафиксированы факты продажи крестьянами своих земельных паев – жеребьев. Так, пашенные крестьяне из д. Санниковой Тобольского у. Ивашка и Гришка Санниковы «...жеребья свои продали пашенному крестьянину Симонку Ермакову». Этот факт подтвердил старожил, тобольский пеший казак Онисим Макаров, который «владел деревней Санниковой после Симонка Ермакова»²⁸. В сметных списках за 1678 г. приведены сведения о Пахомке Бобове из Тобольского у., который «...живет в деревне Бобовой своим двором на купленной своей земле»²⁹. В XVII в. на территории Зауралья не был реализован общегосударственный курс на внедрение общинного землепользования с коллективной ответственностью и взятием поручных записей. На данном этапе в сибирской государственной вотчине преобладало индивидуально-подворное землевладение³⁰.

Несмотря на декларацию официальных прав государства «...угодьями владеть до указа, а на сторону другим никому не продавать и не заложить, и ни в какие крепости не укрепить и за вклад в монастырь не отдать...», со стороны местных властей крестьянам негласно предоставлялись права на поземельные сделки. Этот компромисс был обусловлен необходимостью создания в регионе устойчивого земледельческого хозяйства и, как следствие, местной хлебопроизводящей базы. В.А. Александровым выявлено, что при вольном захвате и пользовании каждый крестьянин имел право лишь на ту землю, в которую был вложен его труд и лишь до тех пор, пока он его вкладывает³¹. Широко применяя в официальной документации XVII – начала XVIII в. термин «владеет землей», власти постоянно подчеркивали условность крестьянского землевладения – «...теми землями владеть против десятинного тягла и тех земель ни продать, ни заложить»³². Тем не менее в крестьянской среде широко практиковались поземельные сделки. Посредством купли–продажи, заклада, передачи по наследству земля свободно переходила от одного владельца к другому и регулирующим механизмом здесь уже выступали не официальные юридические нормы, а обычное право.

Таким образом, крестьяне вносили существенные коррективы в поземельные отношения, складывавшиеся между государством – официальным собственником земли – и земледельцем. Крестьяне считали первично «поднятый», т.е. целинный участок «природной своей землей», «отцовской и дедовской», наследник которой имел право владеть «старинной вечно и на сторону продать и заложить и во всякие крепости укрепить»³³. Анализ документов показал, что при отводе земли, составлении поземельного акта или рассмотрении земельного спора фискальные органы обязательно выясняли факт владения землей «сыстари». В «обыске», составленном по поводу земельного спора между Ивашкой Истоминым и Митькой Поповым, проживавшими в д. Истоминою Тюменского у., указано, что «владеют они землей и озером исстари а в писцовых книгах стольника и писца Льва Поскочина про то написано...»³⁴.

Приведенные примеры показывают, что наряду с официальными поземельными актами (данной, отводной, купчей) «старина» как одно из проявлений обычно-правовых норм служила основанием для владения землей. В случае возникших земельных споров или утраты данной грамоты, подтверждение факта владения «с исстари» осуществлялось особой категорией фискалов – обыскными людьми. Для опроса привлекался широкий круг свидетелей из старожиллов, которые при даче сведений должны были присягать на Евангелии. Так, при рассмотрении земельного спора по поводу прав на владение сенокосными угодьями братьев Копыловых из д. Карачинской Тобольского у., сын боярский Иван Выходцев во время розыска «...досматривал и розыскивал и по святой Христовой непорочной Евангельской заповеди господней, а татары по их вере по шерти, присягал старожиллов крестьян Митьку Ушакова, Стеньку да Ивашку Ильиных и захребетных татарове Кучумко Тенегаева, Ураско Бехтемирова». При опросе они сказали, «што теми де сенными покосы владел отец их Яков Копылов лет 40 и больши и после отца владели теми покосы братья Иван и Омелько Копыловы»³⁵. Но даже если на руках истца или ответчика имелась купчая крепость, все равно требовалось подтверждение факта владения землей «по старине», который принимался за основу при рассмотрении возникшего спора.

Несмотря на официальный запрет русским переселенцам покупать вотчинные угодья у коренных жителей, эти факты имели место, что подтверждает поземельная сделка между тобольским служилым татаринцом Муллою Именяковым и сыном боярским Иваном Акимовым от 1724 г.³⁶ Как следует из купчей крепости, «для своих нужд и расплаты прежних своих долгов взял я Мулла у Ивана Акимова 5 рублей...»³⁷. При составлении купчей было приведено в известность юридическое состояние земельных угодий: «...теми сенными покосы наперед сего я, Мулла с дедми и отцом владели исстари, а те мои сенные покосы наперед сей купчей никому иному не продано и в крепостях ни у кого не укреплены и продал я, Мулла сенных покосов

пять паев и волна ему, Ивану теми покосы пред вечно владеть»³⁸. В купчей крепости дано подробное описание межевых границ сенокосов, оговорены условия в случае претензий на сенокосы со стороны родственников прежнего владельца: «...а ежели во оные мои сенные покосы ступаться или братья мои, Муллины или родственники и мне, Мулле от всяких крепостей и вступщиков и от братьев и племянников очищать...»³⁹. В качестве свидетелей этой сделки выступили служилый татарин Бак Назаров, толмач Аника Еремеев, сын боярский Лев Свенчикишев, отставной солдат Андрей Вязьмин⁴⁰.

Материалы Тюменской крепостной конторы первой половины XVIII в. фиксируют практику поземельных сделок среди крестьян и разночинцев, в том числе куплю–продажу, заклад, кортом (аренду) земель, земельную кабалу⁴¹. Среди причин, побуждавших владельцев сдавать свои земли в заклад, документы показывают денежную задолженность, отход на заработки. Сдача земель в заклад осуществлялась на определенный срок, в основном от 5 до 10 лет. Сумма залога определялась самим владельцем, но зависела от размеров и качества угодий. Например, поверстанный в крестьяне бывший казак Иван Рудаков из д. Скородумской Тюменского у. в 1731 г. «...заложил старинную свою закладную пашенную землю со своим повытком со скоцким выпасом и с поскотинную городьбою и дворовыми строениями и половину овина и половину сени что есть общее с соседом Спиридоном Патрушевым отставному солдату Никифору Рудакову (своему брату. – Н.Б.) за восемь рублей на пять лет. И те мои закладные пашни едучи от городу Тюмени на левой стороне при пышминской дороге смежно с пашенными землями Спиридона Патрушева»⁴². При оформлении сделки владелец земли Иван Рудаков перед братом своим держал обязательство: «...и детям моим и сродникам до того срока в пашни не вступать и никому не продавать и не закладывать ежели кто по каким крепостям в тое пашни будет вваживаться»⁴³.

Сделка по передаче земли в аренду осуществлялась по закладной. Так, крестьянин Иван Кирьянов, проживающий в д. Антроповой Тюменского у. «отдал в картом свою пашенную землю и сенные покосы по закладной сыну боярскому Ивану Козлову сроком на пять лет до 1761 года»⁴⁴. Общая арендная плата в данном случае составила 4 руб. 50 коп.⁴⁵ При заключении этой сделки, в отличие от приведенной выше закладной, где обязательства давал владелец земельных угодий, арендатор обязывался «...а как сроку дойдет и тое пашенных земель и сенные покосы отдать обратно на выкуп и те земли никому не продать, ни заложить и ни в какие крепости не укрепить. А ежели кто на эти земли будет вступаться, то тем вступщикам и тех детей вступщиков у них землю имати»⁴⁶. Другая сделка – земельная кабала – предполагала выполнение полевых работ в счет денежной задолженности. Например, в «Книге записной земельных кабал» имеются сведения о том, что крестьянин из с. Покровского Тюменского у. Кузьма Шапошников передал Семену Фадешину в счет долга на условиях земельной кабалы свои сенные покосы на условиях «косить сена сполна в вышеписанных землях в 700 сажений»⁴⁷.

Кроме актов документов поземельные отношения в XVII–XVIII вв. осуществлялись на основании порядных и работных записей, в которых оговаривались условия обеих сторон – наемного работника и работодателя. В порядной записи оговаривались условия найма: объем работ, обязательство со стороны заказчика и исполнителя, размер оплаты труда⁴⁸. Одной из форм самостоятельного распоряжения земельными наделами среди пашенных и оброчных крестьян была полная или частичная сдача тягла переселенцам. Среди таких поземельных сделок источники фиксируют сдачу тягла «за наделок», что соотносилось с одной из форм отчуждения недвижимого имущества, так как по условиям сделки в *наделок* входили земельные угодья из фонда «собинных» крестьянских пашен и сенокосов⁴⁹. Если крестьянин, находящийся «во льготе», официально передавал часть своего тягла новопоселенцу, то вместе с земельным наделом тому доставалась и соответствующая часть «подмоги». Например, Ивашка Юрлов из д. Ярковой Тобольского у. «стал во крестьяне

звзяв подмогу у оброчного крестьянина Семейки Высокова во 130-м году, а государева оброку Семейкина тягла снял на себя пол десятины и платит оброк в государеву казну посыпным хлебом за Семейку Высокова с полу десятины»⁵⁰. Факты передачи тягла встречаются в источниках XVII в. довольно часто. Так, в дозорной книге по Тобольскому у. (1623 г.) упоминаются крестьяне, взявшие на себя часть тягла и подмогу, – Ивашка Тимофеев, Микита и Ивашка Трушников и др.⁵¹ Можно предположить, что при подобных трудовых отношениях новопоселенец брал на себя обязательства, присущие статусу захребетника. Мотивами, побуждающими крестьян передавать часть своих земель новоприбылым, служили либо низкий производительный потенциал хозяйства, либо стремление основного дворохозяина переехать на новое место в поисках лучших земель, чему способствовали наличие свободных земель и низкая плотность населения.

Официальная передача тягла осуществлялась после подачи крестьянами челобитной в воеводскую канцелярию. В случае положительного решения поручная запись переоформлялась на нового тяглеца⁵². Например, «гуляющий человек» Емельян Семенов из Верхотурского у. в челобитной от 1666 г. просил «...снять на меня с верхотурского оброчного крестьянина Васьки Федорова вашей государевой оброчной пашни осьмину...». На этой челобитной имеется помета воеводской канцелярии «...велеть снять оброчный хлеб и взять на нем поруку»⁵³. В ряде случаев крестьяне самостоятельно передавали свое тягло полностью, оставаясь при этом тяглецами формально, что можно соотнести с одной из разновидностей найма. Как правило, на такие условия соглашались находящиеся в сыске беглые крестьяне.

Практика передачи тягла «новоприбылым» отмечена также среди крестьян, «отбывших льготные лета». Передав неофициально тягло переселенцу, чтобы обезопасить себя от розыска и преследований поручителей, они тайно переезжали на новое место, где им удавалось вновь устроиться «во льготе». Со стороны властей эти сделки объявлялись незаконными, так как новый тяглец «был в сыске». Вместе с тем по факту побега прежнего тяглеца объявлялся розыск. Если поимка была безуспешной, тягло переключалось на поручителей и других жителей селения на следующих условиях: «...да за беглого пашенного крестьянина один человек поруччик пашет пол чети десятины, да оброчные крестьяне о беглых статей за изделие платят денгами 14 рублей с полтиной, да сена по семидесят копен на год денег по рублю а сена по 6 копен с десятины...»⁵⁴.

К числу мер, значительно «утеснивших» крестьян в правах землепользования, следует отнести пересмотр тобольским воеводой Ю.Я. Сулешевым в 1623 г. системы налогообложения⁵⁵. В ряде селений вместо десятинной пашни был введен хлебный оброк с *выти* (нормативного земельного пая). Причем, в каждом уезде размер оброка оказывался разным. Затем было приведено «в соответствие» соотношение между собинной и государевой пашней. Упорядочился сбор «выдельного хлеба» – натурального оброка, который взимался со сверхокладных пашен (обложенных налогом сверх пашен в окладе). До первой четверти XVII в. в крестьянских и других учетных книгах в большинстве случаев фиксировались сведения только о размерах государевой пашни, которая обрабатывалась крестьянами. Прежним воеводам было «за обычаем» проводить сбор натурального хлеба «по своему вымотру», т.е. определенную часть присваивать себе лично. При Сулешеве в связи с введением практики учета размеров «собинных» пашен и определения соотношения их доли с «государевой» сбор оброчного хлеба увеличился в 5 раз. «Воевода Сулешев, – писал П.Н. Буцинский, – прибавил на пашенных крестьян государевой пашни, урегулировав соотношение между "собинной" и государевой десятиной; на оброчных крестьян оброчного хлеба обложил "пятинным снопом"; пашню ружников и посадских людей обложил "десятинным снопом"»⁵⁶. В среднем в уездах Тобольского разряда на 4,5 десятины «собинной» пашни приходилась 1 казенная десятина. В зависимости от площади крестьянских наделов размеры государевой десятинной пашни колебались от 0,25 до 1,5 дес.⁵⁷ Уложение Ю.Я. Сулешева способствовало дальнейшему развитию сельского хозяй-

ства в Сибири и широко использовалось в практике местных администраторов в течение всего XVII в.

До середины XVII в. крестьянских хозяйств в Зауралье было мало. В отличие от военно-служилых сословий, торговых и промышленных людей, вплоть до начала XVIII в. крестьяне оседали на сравнительно небольшой территории, в районах, отдаленных от южных границ, ввиду напряженной военной обстановки. Из-за климатических особенностей практически отсутствовало земледельческое хозяйство в районах нижнего течения Иртыша (Сургут, Березово, Мангазeya). Незначительные расселения крестьян отмечены в городах Тобольского разряда – Нарыме, Кетске, Пельме, Таре и Кузнецке⁵⁸. По данным В.И. Шункова, первая волна крестьян оседала в низовьях Туры и Тобола. «Цепочка русских поселений, – пишет автор, – тянулась к Тобольску, в окрестностях которого, в низовьях Тобола и по берегам Иртыша, крестьяне заводили пашни»⁵⁹. Материалы переписных книг начала XVIII в. фиксируют основные очаги расселения земледельческого населения в междуречье Туры, Иртыша, Тобола и Вагая⁶⁰. К этому времени численность крестьянских хозяйств в Зауралье значительно возросла. В 1710 г. в подведомственных Тобольскому разряду уездах (Верхотурском, Тобольском, Туринском и Тюменском) С.У. Ремезовым было учтено 5742 крестьянских хозяйства, в которых обрабатывалось около 15 тыс. дес. пашни, в том числе 12600 дес. «собинной»⁶¹.

Прежде чем перейти к вопросу о механизме становления крестьянского земледельческого хозяйства, важно отметить, что, несмотря на столь активные попытки властей организовать крестьянское хозяйство «по своему вымотру», этот процесс определялся прежде всего спецификой географических и почвенно-климатических условий, рельефом местности. Процедура «пашенного обзаводства» на новом месте начиналась с поиска подходящего места, определения качества почв посредством пробных посевов. Если почвы не отвечали необходимым требованиям («пашенных мест нет и пашен завести и хлеба на служилых и на жилецких тутошних людей напашать негде, и всяких угодий мало, и лесу хорошего нет...»), то для поселения подыскивалось более подходящее место⁶². Первая волна переселенцев оседала на открытых, свободных от леса площадях, – «кулигах», «на яру», «на плоском баяраке», «на лугу» и т.д.⁶³ Трудоспособные члены семьи, объединившиеся в небольшие группы из родственников или соседей, прибывали за Урал большей частью в конце зимы – начале весны. За короткий срок им предстояло пройти длинный путь, разведать места, пригодные для хлебопашества. На присмотренной местности разбивался стан, где переселенцы сооружали временное жилище, – *палатки* и жили «вообще» (сообща). Совместными усилиями поднимали пашню и засеивали общее поле, чтобы обеспечить себя хлебными запасами на будущий год. Совершенно очевидно, что переселенцы приходили в Сибирь с навыками перелога и трехпольного хозяйства. Ввиду высокой трудоемкости все полевые работы на данном этапе носили складнический (коллективный) характер. После окончания посевных работ переселенцы приступали к более детальному осмотру окрестностей и подыскивали подходящие места для поселения. Для начального этапа становления крестьянского хозяйства характерно заведение временных пашенных наделов – займищ, починков, «отъезжих пашен». Такие пашни испытывали на плодородие в течение двух–пяти лет. Если урожаи были стабильными, крестьяне оседали здесь на постоянное место жительства, т.е. ставили *деревню-двор*, где возводили жилые и хозяйственные постройки.

Наряду с практикой залежно-переложного земледелия, документы первой четверти XVII в. фиксируют введение трехполья, для чего крестьяне заводили пашни «в разных местех» под яровое, озимое поле и пар⁶⁴. После получения «собинного» надела на условиях несения «государева тягла» вся дальнейшая деятельность крестьянина определялась условиями поручной записи. Поручителей, как правило, назначали воеводы. В силу налагаемой на поручителя ответственности крестьяне добровольно сами на это соглашались крайне редко, «по родству», так как в случае бегства или смерти тяглеца «порутчики» несли материальную ответственность за выполнение

его повинностей. Пытаясь ускорить процесс прикрепления крестьянина к земле, «посадить в тягло», власти контролировали ситуацию и обязывали переселенцев ставить жилые постройки сразу после отвода земельного надела. Например, в Вертогурском у. «...на отъезжей пашне крестьянин Терешка Конаков сын Чувашев пришел с Устюга тому четвертый год, а животины у него лошади да корова, а живут все в полове, а дворов не ставлявали, и воеводы их и поруччики их, у которых дворов нет, велели тотчас сыскати и дворы им велели ставить»⁶⁵.

Механизм естественного перехода сезонной «отъезжей» пашни в постоянное земледельческое хозяйство – в деревню–двор – отчетливо прослеживается на примере Петрушки Иванова сына Устюжанина, по прозвищу Булаш. Сам он проживал в д. Бабасанской Тобольского у. Вместе со своими сыновьями Тимошкой, Клишкой и Сысойкой обрабатывал «пашни средние земли четыре чети с полутретником, перелогу 17 чети без третника в поле, а в дву потому ж, покотинные земли в лугу 20 десятин, сена косит подле деревни в лугу 500 копен. Да у него ж Петрушки другой двор от Бабасанские деревни версты с двенадцать в вершине Аталыка речки»⁶⁶. В начале XVII в. здесь Петрушка Булаш завел «отъезжую пашню», куда впоследствии отселил своего сына Вахрушко⁶⁷. К первой четверти XVII в., после того как на этой отъезжей пашне были возведены жилые и хозяйственные постройки, «пашенный завод» приобрел статус постоянного земледельческого хозяйства, которое в дозорной книге за 1623 г. определялось как «деревня–двор в вершине Аталыка речки, во дворе сын Петрушко Булаша Вахрушко»⁶⁸. Земледельческий комплекс этого хозяйства включал «...пашни паханные средние земли 8 чети с третником, перелогу 25 чети в поле, а в дву потому ж. Пашенного лесу под покотиною 14 десятин. Сена косит по Аталыку речке 300 копен, да вниз по реке Аталыку ж в другом месте от деревни версты с три они же косят 800 копен»⁶⁹.

Как видим, при переселении крестьян на новое место возникало прежнее земледельческое хозяйство. В целом приведенные примеры наглядно показывают специфику развития земледельческого хозяйства на раннем этапе, для которого характерна высокая обеспеченность необходимым комплексом земельных угодий. С начала XVII в. земельные наделы, отведенные местной администрацией, либо присмотренные крестьянами самостоятельно, регистрировались в воеводской канцелярии. Источники первой четверти XVII в. показывают, что в Зауралье практиковался определенный порядок оформления права пользования землей. Так, после выявления подходящего комплекса земельных угодий крестьяне обращались к местной администрации с просьбой закрепить участки за ними. Приказчики по поручению воеводы в присутствии понятых крестьян выявляли и обследовали земли, определяя их ценность («добрые», «средние» или «худые»), и составляли «доезд», который затем передавали воеводе. Например, по наказной памяти тобольского воеводы П. Годунова, «послали из Тобольска для розыску тобольский сын боярский Иван Выходцев вверх Тобольской реки Турбинские и Вахманаевы юрты ездили и пашен и сенных покосов досматривали и розыскивали тобольским пашенным крестьянам»⁷⁰.

В местности, где проживало коренное население, разрешение на отвод земель пашенным и оброчным крестьянам выдавалось только после предоставления «доезда». Для его составления необходимо было выяснить «...и не ясных ли людей угодья в сколь далеко от тех мест люди живут и с кем то место в межах с русскими, да тому всему написати доезд и тот доезд за своею и Обских людей за руками и за татарскими за руками ж и за знамены привести в Тобольск и подать воеводе да дьячку»⁷¹. В случае согласия приказчику предписывалось «...отвести земли под двор, под огород, под пашню и на скоцкой выпуск и сенные покосы»⁷².

Получив воеводскую запись, приказчик выезжал на отведенное место для межения земельных угодий. По наказу воеводы ему предписывалось: «...а приехав на то место, тое землю и сенные покосы смерить в десятины, сколько тое земли под пашню и под сенные покосы по смете десятин будет, и какие угодья и хмелевы ухажины и юрвные, то и всякие промыслы и леса прилегли и про тое землю не владели

ею ясашные люди»⁷³. В этом случае речь идет о закладке трехпольного хозяйства, так как в земледельческом комплексе отсутствует такая категория земель, как «пашенного лесу дубровы» – характерный признак перелога. Подобное ограничение – одна из форм прикрепления крестьян к земле посредством насаждения трехполя, так как из земледельческого комплекса сознательно выводилось главное звено залежно-переложного хозяйства – резерв свободных земель, необходимый для восстановления естественного плодородия почв.

После межевания земельных угодий приказчик оформлял «крестьянскую книгу», куда вносил фамилию и имя посаженного в тягло крестьянина, отмечая основные межевые ориентиры этого участка. Книга отсылалась в воеводскую канцелярию и на основании внесенных приказчиком сведений владельцу выдавался документ, закреплявший право пользования земельным наделом. Такими документами являлись данная и отводная грамоты или воеводский указ. В этих поземельных актах фиксировались размеры десятинной и собинной пашни, сельскохозяйственных угодий, площадь земли, отведенная под двор и огород, указывался срок льготных лет, размер и условия подмоги⁷⁴.

При межевании угодий и определении их границ учитывались топографические особенности местности, а также ставились свои отметины – кресты или ямы «с угольем». Например, земли Левки Сысоева из д. Карачинской Тобольского у. располагались «...от конец Курьи до винной ямы, а с той ямы впрям по сосновой веретее до трех берез, а на ней грани – крест, а с тех берез прямо к Тобол реке на восток на талину, а на ней грань крест, а под тою талиною лог до ямы с угольем»⁷⁵. В поземельных актах XVII в. описанию смежных границ отводилось особое место, так как при рассмотрении земельных споров именно подробное фиксирование межевых ориентиров способствовало справедливому разрешению конфликтов.

В функционально-планировочной структуре крестьянского хозяйства большое внимание отводилось организации подворья, которое включало не только жилые постройки, но и производственные площади, где осуществлялась переработка сельскохозяйственной продукции. Наиболее ранние систематические сведения о крестьянских дворах в Зауралье и их строениях находим в списке с переписных книг за 1625 г.⁷⁶ Так, в д. Комарициной Тобольского у. «...во дворе Микифора Семенова изба, против избы клетишко до хлевишко, двор забран в колья». У другого крестьянина Ивашки Микифорова, проживавшего в этой же деревне, «...дворенко загорожен жердьми, изба да хлевишко»⁷⁷. Тимошка Иванов, пришедший с Устюга, к этому времени успел огородить двор соломой, а «...изба да клетишко рублено десять рядов, а не свершено»⁷⁸. В стадии застройки находился и соседний двор Ивашки Иевлева: «Избенко у него осиновая да клетишко зачать рубить 10 венцов срублено, дворенко горожен жердьми»⁷⁹. У пришедшего из Ярославля крестьянина Богдашко Иванова «изба срублена и не поднята, двора нет»⁸⁰.

Практически все упомянутые дворохозяева в д. Комарициной занимались хлебопашеством. Например, у Микифорко Семенова «хлеба в клетишке ржи невяеной две чети да пол осмины ячмени у него ж сеяно ржи четверть с осминою ко 133-му году, да ярового хлеба сеяно две четверти с осминою, да переложные земли взорано на одну четверть. Скота у него лошадь, да две коровы, да семеро телят»⁸¹. В этой деревне одно хозяйство в среднем высевало озимой ржи по одной четверти, яровых хлебов по 2–3 четверти. Всего посеы яровых здесь составляли 11 четвертей, озимых 5 четвертей⁸². Основными зерновыми культурами в этот период были рожь и ячмень, реже – овес. В агротехнике сочеталось трехполье с перелогом, который в условиях таежной зоны выполнял функцию расширения земельного фонда под трехполье: «...посеяно в земле три четверти три пол осмины, да мяхкие земли зорано на одну четверть, да переложные земли взорано на одну четверть»⁸³.

Из хозяйственных и производственных построек «Список с переписных книг по Тобольскому уезду» за 1625 г. фиксирует на крестьянском подворье гумно, овин, амбар, погреб, завозню, мельницу, кожевню⁸⁴. Например, в д. Киселевой Тобольского у.

подворье в большинстве случаев было организовано следующим образом: «во дворе изба, против избы клеть, меж избою и клетью сени, позаде того двора другая изба, против избы клеть с погребом, в одной избе жорновы, перед двором поварня да баня да гумно с овином, погреб с наподгребицею»⁸⁵. Рабочего скота в этой деревне в среднем на двор приходилось по одной лошади и корове, т.е. основу производительных сил хозяйства на данном этапе составляла предоставленная государством подмога⁸⁶.

На раннем этапе одну из разновидностей организации земледельческого промысла за Уралом составляли коллективные формы – «вповал», «воопче», которые впервые исследованы В.А. Александровым⁸⁷. В.И. Даль слово «вповал» определяет как «всеобщее, поголовное, что одновременно касается всех или многих»⁸⁸. По данным В.А. Александра, в Сибири «земля вповал» бытовала как форма коллективного землевладения. Эта практика реконструирована автором на материалах Енисейского у.⁸⁹ В условиях таежного Зауралья, где хлебопашество было наиболее трудоемким, дозорные книги фиксируют практику «вповал» на «росчистях» лесных участков под пашню, что требовало участия не одного, а нескольких дворохозяев. Например, в д. Вяткиной Тобольского у. «у Якунки Булгакова да у Марка Вяткина с товарищи вообще у осьми человек покотинные земли леснова места 20 десятин да позаде пашенново лесу 30 десятин»⁹⁰.

Источники XVII в. фиксируют и другие варианты коллективного землепользования. Так, у братьев Выходцевых из д. Выходцевой Тобольского у. «пашни паханые средние земли у Демки 2 чети, у Павлика 2 чети с осминою, пашут порознь и у обеих воопче перелогу 2 десятины, да пашенного лесу дубровы 10 десятин, да сенные покосы на 300 копен»⁹¹. На наш взгляд, эта форма землепользования смешанного типа характерна для переходного этапа – от коллективного держания земли к индивидуальному. Можно предположить, что подобная практика также обусловлена спецификой залежно-переложного хозяйства.

В ряде случаев отмечен вариант совместного проживания при владении пашнями и сенокосами «порознь», что в большей мере прослеживается в братских семьях. Так, в д. Жуковой Тобольского у. «...во дворе пашенные крестьяне Гришка да Тренько да Нестерко Ивановы дети Власовы, пашни пашут порознь...»; «...во дворе пашенные крестьяне Елфимко да Сидорко Жуковы пашни средние земли пашут порознь»⁹². Таким образом, на раннем этапе развития земледельческого хозяйства можно выделить три основные формы землепользования – индивидуальное (семейное), групповое (*воопче*, *вповал*, когда общий земельный надел обрабатывался усилиями нескольких дворохозяев) и смешанный тип (сочетание практики индивидуальной и совместной обработки пашни). Источники XVII в. в Тобольском, Тюменском и других уездах Зауралья фиксируют также практику совместного пользования покотиной и «скоцким выпасом» жителями нескольких близлежащих деревень: «...общинною покотинною землею владеть всем вообщее», «владеть скоцким выпасом всем одинадцати человекам», «общая деревенская покотина...»⁹³ и т.д.

Исследуя процесс формирования в Сибири государственного землевладения, В.И. Шунков пришел к выводу, что крестьянское хозяйство, функционирующее на условиях обработки десятинной пашни, по задачам, организации управления и методам эксплуатации было близко к хозяйству дворцовых вотчин с их отработочной рентой⁹⁴. При организации десятинной пашни – удобной расчетной единицы налогообложения – воеводская администрация стремилась расположить ее по возможности компактно, для осуществления контроля за ходом обработки земли, сева и уборки урожая. Семена для посева на государевой десятине выдавались из казенных житниц в расчете 2 четверти ржи на 1 дес. пашни⁹⁵.

Существенную проблему в развитии земледелия уже со второй половины XVII в. составляла «выпаханность», т.е. истощение почв, что особенно было характерно для государевой десятинной пашни. Ситуацию объясняет не только снижение естественного плодородия ввиду практики залежно-переложного хозяйства. Упадок де-

сятинной государевой пашни был обусловлен и отношением к ней крестьян, которые прежде всего заботились о состоянии своего «собинного» надела. Выход из создавшегося положения воеводы находили в введении трехпольного хозяйства и в первую очередь на государевой десятинах. В 1668 г. тобольский воевода П. Годунов предпринял попытку создания под Тобольском «подгородней государевой десятины» в количестве 150 дес., из которых 50 дес. были засеяны озимой рожью, 50 яровыми и 50 оставлены в пар. Пашню эту обрабатывали пашенные крестьяне «всех слобод взгоном»⁹⁶.

Следует обратить внимание на то, что организация трехполья была сопряжена с ужесточением режима эксплуатации земледельца. При устройстве подгородней десятинной пашни П. Годунов привлекал также жителей близлежащих деревень, которые, как сообщали в челобитной крестьяне, «и пашни городили, и огороды, и во все места хлеба караулили, и овины ставили, и хлеб десятинный молотили, и к житницам возили, и от потравы берегли, а жали на полях рожь из поль в кладь, и возили тобольские отставные солдаты, и зсылные люди, а лошади иманы у извозчиков»⁹⁷.

Из челобитной видим, что крестьяне считали устройство подгородней государевой пашни делом напрасным, так как «...у города близко, а доведца тому месту быть городским людям всяких чинов на выгон лошадей и иной животине. Да тому ей быть не доведца, только ее пахать слободским крестьяны от того будет великая тягость и разорение, от того што слободы далее Тюмени, а до Тюмени 300 верст и больше...»⁹⁸. Однако, несмотря на предпринимаемые меры и регулярный контроль за состоянием государевой десятинной пашни со стороны властей, повсеместно наблюдается «выпаханность государевой десятины», что впоследствии привело к резкому снижению урожайности. При этом в старозаселенных районах, где преобладал перелог, данная проблема была характерна и для «собинных» крестьянских пашен, так как при истощении почв резерва для введения новых земель не хватало ввиду активного притока переселенцев. К началу XVIII в. практику залежно-переложного земледелия в определенной мере ограничивал и естественный прирост населения. Задержка на старой «выпаханной» пашне из-за низкой урожайности приводила к разорению хозяйств. Что касается применения органических удобрений, то *назъм* вносили в единичных случаях. По данным И.В. Власовой, удобрение в Сибири ввиду свойства почв, не везде было возможно⁹⁹.

В малоземельных районах, где преобладала практика перелога, крестьяне пытались решить проблему «выпаханности» полей посредством новых запашек на росчистях, освобождая участки из-под леса, либо переезжали на новые, малозаселенные места. Например, в 1684 г. пашенный крестьянин Ницинской слободы Тобольского у. Левка Карпов в своей челобитной причину переселения на новое место объяснял тем, что его «...собинная пашня выпахалась и хлеба не родица и сыту быть нечем»¹⁰⁰. Истощение почв в старозаселенных районах активизировало внутреннюю миграцию крестьян на южные черноземы. В ряде селений, где преобладали *островные* пашни, залежно-паровое хозяйство без внесения органических удобрений практиковалось регулярно на одних полях в течение 100–150 лет.

В конце XVII в., в связи с включением в производство Верхотурско-Тобольского земледельческого района на территории Зауралья происходит сокращение размеров государевой десятины в хозяйствах «новоповерстанных тяглецов» от 0,5 до 0,25 дес., что позволяло переселенцу «поднять» свою пашню¹⁰¹. При этом в старозаселенных районах размер государевой десятины у крестьян-старожилов оставался прежним. Эти хозяйства находились под контролем фиска, регулярно «дозирались» и переписывались. В случае необходимости, учитывая уровень развития крестьянского хозяйства, его общее состояние, степень зажиточности, размеры государевой запашки могли увеличиваться. Кроме пахотных земель крестьянам отводились сенокосы, которые с 70-х годов XVII в. «увязывались» с размерами десятинной пашни. В XVIII в. наблюдается значительное снижение продуктивности государевой десятины. В 1762 г.

ввиду неэффективности эта форма отработочной повинности была заменена денежным оброком в 4 гривны¹⁰².

В первые десятилетия XVIII в. основной целью правительственной политики в Сибири было создание оптимальных условий для развития индивидуального крестьянского землепользования. Согласно документу от 26 июня 1724 г. «О казенных крестьянах», юридический статус держания земли сопровождался обязательным обложением этих земель податями и повинностями. С 1730-х годов условия поселения на землю крестьян и дворовых людей, которые по своему социальному статусу приравнивались к бобылям, регламентировались следующими мерами: «...крестьян селить и отводить им для размножения земли удобные к пашне, на первый случай давать на семена хлеб и к пашне лошадей, где есть казенных, а в строении дворовым помогать другими жителями и так приводить, чтобы оные настоящими жителями были, а праздно не волочились, и в том во всем особое прилежное старание имели и добрый порядок вели губернатору»¹⁰³.

В заключение отметим, что главную особенность сложившейся поземельной практики в Зауралье определяло несоответствие юридической собственности государства и фактического распоряжения землей крестьянами на основе обычно-правовых норм. Сам факт поземельной сделки (купля-продажа, заклад, обмен, передача по наследству) крестьяне аргументировали правом первоначального возделывания «новины», «росчистей», «старины», наследственного владения. В свою очередь реализация государством официальных прав на владение землей осуществлялась посредством контроля за выполнением крестьянами тяглых обязательств, взимания дифференцированной земельной ренты и платы за аренду казенных земель. В условиях Зауралья практически все меры властей, направленные на преобразование сложившейся системы поземельного устройства, выверялись крестьянами на уровне института обычного права, где выработывался механизм их реализации с учетом хозяйственной целесообразности и ситуации на местах и интересов крестьян.

Примечания

¹ Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956; Александров В.А. Русское население Сибири (XVII – начало XVIII в.) (Енисейский край). М., 1964; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М., 1972; Власова И.В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII–XVIII вв. М., 1984; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.

² Власова И.В. Указ. соч. С. 106.

³ Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. СПб., 1787. С. 134.

⁴ Чугунов А. Меры правительства к развитию земледелия в России. Исторический обзор. Казань, 1858. С. 3.

⁵ Там же.

⁶ Акты исторические, изданные Археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1853. С. XXI.

⁷ Чугунов А. Указ. соч. С. 15.

⁸ Акты исторические... Т. 3. СПб., 1853. С. XXI.

⁹ Там же. С. XXV.

¹⁰ Там же. С. XXX.

¹¹ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1983. С. 138.

¹² Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 214. Сибирский приказ (далее – СП). Стб. 12. Л. 148–153.

¹³ Акты исторические... Т. 2. СПб., 1875. С. 210.

¹⁴ Чугунов А. Указ. соч. С. 28.

¹⁵ РГАДА. Ф. 214. СП. Кн. 28. Л. 358.

¹⁶ Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889. С.30.

¹⁷ РГАДА. Ф. 214. СП. Стб. 1673.

¹⁸ Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII в. М., 1946. С. 40.

¹⁹ Там же. С. 38.

- ²⁰ Там же. С. 40–41.
- ²¹ *Каптерев Л.М.* Русская колонизация Северного Зауралья в XVII–XVIII в. Исторический очерк. Свердловск, 1926. С. 7.
- ²² Крестьянство Сибири в эпоху феодализма... С. 133.
- ²³ РГАДА. Ф. 214. СП. Кн. 511. Л. 10.
- ²⁴ Там же. Кн. 7. Л. 110 об.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма... С. 148–153.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 214. СП. Кн. 3. Л. 76 об.–180 об.; Кн. 5. Л. 1–287; Тобольский государственный историко-архитектурный музей заповедник (далее – ТГИАМЗ). Ф. рукописей. Д. 12694.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 214. СП. Кн. 1086. Л. 136.
- ²⁹ Материалы для истории города XVII–XVIII вв. М., 1885. С. 84.
- ³⁰ *Александров В.А.* Особенности феодального порядка в Сибири (XVII в.) // Вопр. истории. 1973. № 8. С. 42–43.
- ³¹ *Александров В.А.* Русское население Сибири... С. 173.
- ³² РГАДА. Ф. 214. СП. Кн. 1279. Л. 518.
- ³³ Там же.
- ³⁴ ТГИАМЗ. Ф. рукописей. Д. 12863.
- ³⁵ Там же. Д. 12857.
- ³⁶ Там же. Д. 12859.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Государственный архив Тюменской области (далее – ГАТО). Ф. 45–И. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–80.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же. Л. 3.
- ⁴⁴ Там же. Л. 4.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же. Л. 23 об.
- ⁴⁸ Там же. Д. 39. Л. 1 об.
- ⁴⁹ РГАДА. Ф. 214. СП. Кн. 1086. Л. 1–580 об.
- ⁵⁰ *Преображенский А.А.* Указ. соч. С. 192.
- ⁵¹ РГАДА. Ф. 214. СП. Кн. 3. Л. 118.
- ⁵² Там же. Л. 115.
- ⁵³ *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия... С. 35.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ *Балюк Н.А.* Тобольская деревня в конце XVI–XIX в. Тобольск, 1997. С. 78.
- ⁵⁶ *Буцинский П.Н.* Указ. соч. С. 136.
- ⁵⁷ Там же. С. 30.
- ⁵⁸ *Суринов В.М.* Особенности формирования и функционирования систем земледелия в условиях Зауралья // Этнография русского крестьянства Сибири (XVII – середина XIX в.). М., 1981. С. 202.
- ⁵⁹ *Шунков В.И.* Очерки по истории колонизации... С. 14.
- ⁶⁰ РГАДА. Ф. 214. СП. Кн. 1320. Л. 1–580 об.
- ⁶¹ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма... С. 317–318.
- ⁶² *Головачев П.М.* Очерк заселения Сибири в XVI–XVII вв. С. 27.
- ⁶³ РГАДА. Ф. 214. СП. Кн. 3. Л. 76–180 об.
- ⁶⁴ Там же. Л. 176 об.
- ⁶⁵ *Головачев П.М.* Указ. соч. С. 27–28.
- ⁶⁶ РГАДА. Ф. 214. СП. Кн. 3. Л. 176–177.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ ТГИАМЗ. Ф. рукописей. Д. 12857.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же.

- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ ТГИАМЗ. Ф. рукописей. Д. 108.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ РГАДА. Ф. 214. СП. Кн. 7. Л. 103–115 об.
- ⁷⁷ Там же. Л. 107.
- ⁷⁸ Там же. Л. 107 об.
- ⁷⁹ Там же. Л. 108.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же. Л. 109.
- ⁸² Там же. Л. 99–115 об.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Там же. Л. 103 об.–115 об.
- ⁸⁵ Там же. Л. 115.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Александров В.А. Русское население Сибири... С. 177.
- ⁸⁸ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 1955. С. 133.
- ⁸⁹ Александров В.А. Русское население Сибири... С. 197.
- ⁹⁰ РГАДА. Ф. 214. СП. Кн. 3. Л. 89 об.
- ⁹¹ Там же. Л. 92
- ⁹² Там же. Л. 173.
- ⁹³ ТГИАМЗ. Ф. рукописей. Д. 12858; РГАДА. Ф. 214. СП. Кн. 3. Л. 76–180 об.
- ⁹⁴ Шунков В.И. Очерки по истории земледелия... С. 41.
- ⁹⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 913. Л. 82–83.
- ⁹⁶ Там же. Ф. 214. СП. Кн. 511. Л. 70 об.–79.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Власова И.В. Указ. соч. С. 134.
- ¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 214. СП. Кн. 511. Л. 173.
- ¹⁰¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 479. Л. 2.
- ¹⁰² Крестьянство Сибири в эпоху феодализма... С. 316.
- ¹⁰³ Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М., 1970. С. 40.

N.A. B a l i u k. The Formation of the Russian Agriculture in the Trans-Urals in XVI–XVIII cc.: Peasants and Power

The author reconstructs Russian crop-growing and agriculture development in the Trans-Urals, which had its peculiarities, especially in the area of government regulations of individual peasant land use. The uniqueness of the peasant land use regulation was located in the practices of peasants' customary law wherein the state regulatory attempts were assessed, modified, and applied to with respect to the local situation, expediency, and peasants' interests.